

оружия, отстоять право на самостоятельное существование народа маори. Парихаки служила как бы примером для всего народа, установленные в ней порядки должны были вдохновлять и в действительности вдохновляли сопротивлявшихся.

Автор не провел анализа программы Те-Вити, не вскрыл социальных противоречий, существовавших в обществе маори. Небольшой по объему труд представляет собой скорее развернутый очерк хода событий и описание внешней стороны жизни Парихаки. Но и в такой форме история Парихаки имеет большой интерес, освещая малоизвестную страницу борьбы маори против колониализма.

Работа Д. Скотта, пронизанная большой симпатией к маорийскому народу и уважением к его культуре, — ценный вклад в историю Океании, ее народных масс. Было бы полезно перевести «Повесть о Парихаке» на русский язык, чтобы с ней могли ознакомиться широкие массы советских читателей.

Б. Шаревская

A. A. Koskinen. *Missionary Influence as a Political Factor in the Pacific Islands* Helsinki, 1953.

Изданная Финской академией наук монография молодого ученого-социолога Аарне Коскинена посвящена деятельности миссионеров на островах Тихого океана, главным образом в первой половине XIX в. Хотя автор избрал сферой своего исследования всю Океанию, наибольшее внимание он уделяет Полинезийским островам, так как именно здесь влияние миссионеров в рассматриваемый период было особенно ощутимым.

Коскинен рассматривает широкий круг проблем, интересующих как историков, так и этнографов. Он опирается на большой фактический материал, собранный во время работы в английских архивах и библиотеках и в меньшей мере — в финских книгохранилищах.

Начнем наш разбор с вопроса об исторических предпосылках и социальной сущности миссионерского движения, поскольку от его решения зависит трактовка ряда частных проблем, затрагиваемых в этой монографии.

Как известно, наплыв миссионеров в Океанию начался на рубеже XVIII—XIX вв., когда в Англии, а затем и в других странах возникли миссионерские общества, созданные для распространения христианства среди островитян Южных морей. Автор связывает «взрыв миссионерского энтузиазма» с «религиозным оживлением», начавшимся в этот период, и приписывает всему движению чисто «гуманистическую» направленность (стр. 194—195). Между тем известно, что усиление клерикальных тенденций в жизни ряда европейских государств было ответом их правящих кругов на французскую буржуазную революцию. Что же касается миссионерского движения, то оно, будучи в известной мере отражением подъема клерикальной волны, в то же время имело свою особую социальную функцию.

Раньше других начали охоту за душами островитян английские миссионеры. И это не случайно. Англия во второй половине XVIII в. вступила на путь промышленной революции. Быстро растущая промышленность требовала новых рынков и источников сырья; встал вопрос об освоении новых районов колониального грабежа. Три экспедиции Кука привлекли внимание английских правящих кругов к бассейну Тихого океана. Сюда и были посланы английские миссионеры в качестве разведчиков «новых горизонтов», в качестве передового отряда колонизаторов. Можно только удивляться предположенной автором трактовке английского миссионерского движения, так как сам он указывает, что это движение с самого начала финансировалось торгово-промышленными кругами и связанной с ними аристократией, что среди руководителей миссионерских обществ были влиятельные чиновники британского министерства колоний и даже отдельные члены кабинета (стр. 195—198).

Те же социально-экономические факторы вызвали к жизни миссионерское движение в Соединенных Штатах Америки и Франции. Мы не будем останавливаться на характеристике деятельности французских миссионеров, поскольку сам Коскинен подчеркивает, что нашествие католических патеров на острова Океании совпало по времени с развертыванием колониальной экспансии правительства Луи-Филиппа и было тесно координировано с политикой последнего (стр. 164—167, 187—188). Приведем несколько фактов, приоткрывающих завесу над действиями американских миссионеров.

Почему «Американский совет по делам иностранных миссий» выбрал в качестве основного поля своей деятельности Гавайские острова? Потому, что этот архипелаг находился на полпути между северо-западным побережьем Америки и Китаем, изобиловал сандаловым деревом и сделался базой для многочисленных американских судов, занятых китобойным промыслом на Тихом океане¹. Не случайно упомянутая миссио-

¹ См. Н. W. Bradley, *The American Frontier in Hawaii, The Pioneers, 1789—1843*. Berkeley — Los Angeles, 1942.

нерская организация возникла именно в штате Массачусетс: этот штат был центром китобойной промышленности, средоточием торгово-промышленных и судовладельческих кругов, заинтересованных в торговле с Китаем.

Разумеется, не всегда можно с точностью вскрыть причины посылки миссионеров на тот или иной архипелаг Океании; не везде христианские «пастыри» действовали так же грубо и прямолинейно, как на Гавайских островах. Среди миссионеров было немало фанатиков, одержимых идеей распространения христианства; в их среде, в качестве исключения, встречались культурные и любознательные люди, искренне желавшие помочь островитянам. Но все это не изменяет общей оценки миссионерского движения как одной из разновидностей колониальной экспансии. Идеалистическая концепция Коскинена на каждом шагу вступает в противоречие с им же самим собранными фактами.

Будучи серьезным ученым, Коскинен отвергает сочиненную миссионерами легенду о том, будто островитяне с энтузиазмом встретили проповедь христианства, сразу же разбили «языческих идолов» и начали поклоняться «истинному богу». Он подчеркивает, что миссионеры на первых порах столкнулись с большими трудностями, и далее пытается объяснить, почему все же новая религия постепенно победила старые верования, хотя и была при этом в значительной мере переосмыслена островитянами (стр. 38—47). Однако автор умалчивает об одном факте, который сыграл большую роль, по крайней мере на Полинезийских островах, где на основе далеко зашедшей классовой дифференциации уже к концу XVIII в. возникли зародышевые формы государства.

Коскинен рассказывает, что местные правители вначале были настроены против учения миссионеров — в особенности потому, что старая религия с ее всеобъемлющей системой табу была действенным орудием угнетения рядовых островитян (стр. 38); однако со временем они изменили свою позицию и стали зачастую насильственно насаждать христианство среди подвластного им населения. Объясняя эту перемену, автор повествует о многих вещах, но избегает касаться главного: социальной сущности христианства. Между тем несомненно, что вожди вскоре поняли, как важно заручиться поддержкой чужеземных «жрецов», чья религия учит смирению и покорности сильному миру сего, в то время как старые религиозные запреты все более дискредитируются в глазах островитян по мере развития сношений с иностранцами. На этой основе и сложился союз между миссионерами и вождями племен, обеспечивший в значительной мере победу христианства².

В этом союзе вожди вскоре оказались в положении лошади, а миссионеры — в роли всадника. Коскинен подробно и в целом достоверно рассказывает о хозяйничанье миссионеров на островах Океании, хотя и пытается при этом утверждать, будто их вмешательство в «земные» дела прихожан объяснялось одними религиозными соображениями (стр. 48—50).

По мнению автора, в истории многих островов можно выделить период теократического правления миссионеров. «Вероятно, можно сказать, — замечает он, — что на тех архипелагах, где миссионер имел влияние на вождей, политическая жизнь по крайней мере напоминала теократию, хотя все по видимости делалось от имени вождей» (стр. 51). «В девятнадцатом веке, — продолжает автор, — на тихоокеанских островах возникло множество туземных королевств. Миссионеры развили в них такое влияние, что их можно назвать миссионерскими королевствами. Наиболее примечательными из них были протестантские королевства Таити, Гавайи, Тонга, Самоа и Фиджи, а также Соединенные племена Новой Зеландии, в то время как можно упомянуть только о двух католических теократиях — Мангарева и Увеа» (стр. 52).

Коскинен подробно анализирует законы и «конституции», составленные миссионерами для различных архипелагов Океании (стр. 52—66). Он признает, что это законодательство, целиком отвергавшее местные обычаи, наложило тяжкие оковы на коренное население тихоокеанских островов. Система управления, созданная миссионерами, настолько хорошо обеспечивала угнетение островитян, что она была в общих чертах сохранена после аннексии островов колониальными державами (стр. 215). Автор присоединяется к той части буржуазных ученых, которые критикуют миссионеров за сознательное разрушение самобытной культуры народов Океании и навязывание им норм пуританской морали (стр. 36, 95). Он приводит высказывания миссионеров, из которых следует, что такие — сами по себе положительные — стороны их деятельности, как создание письменности и открытие школ, были целиком подчинены задаче пропаганды христианства, т. е. в конечном счете содействовали духовному порабощению коренного населения (стр. 20—21).

² Американские миссионеры на Гавайях в 1838 г. постановили на своем годовичном собрании: «Правители находятся у власти по воле бога... Поэтому духовные наставники должны предостерегать подданных от неуважения к власти их правителей и от какого бы то ни было уклонения или неподчинения правительственным приказам, если только они не пренебрегают законами, установленными богом» (цит. по Т. Morgan, Hawaii, A Century of Economic Change, 1788—1876, Cambridge, Mass., 1948, стр. 87). Такого же курса придерживались миссионеры на других островах Океании, поскольку колонизаторы, как известно, предпочитали управлять по системе «indirect rule», т. е. через местных вождей.

В книге Коскинена можно найти интересный материал о различных формах борьбы островитян с тиранией миссионеров — от непосещения миссионерских школ и использования церковных гимнов в качестве мелодий для танцев до антимиссионерских восстаний, направленных против господства колонизаторов (стр. 91—108). Своеобразной формой народного сопротивления были «еретические» секты с ярко выраженной антимиссионерской направленностью, возникшие на Гавайях, Танти, Фиджи и некоторых других островах. Особенно боевой характер имела деятельность новозеландской секты «хаухау», сыгравшей видную роль во время маорийских войн (стр. 101—104, 221).

В рецензируемой книге много внимания уделяется взаимоотношениям миссионеров с другими представителями «западной цивилизации». В ней содержатся факты, показывающие, что пресловутая «борьба» миссионеров с злодеяниями вербовщиков рабочей силы, моряков, торговцев и плантаторов зачастую велась по эгоистическим соображениям и преследовала вполне определенные корыстные цели (стр. 134—150). Особенно наглядно это видно в вопросе о земельной собственности на островах. «Миссионеры, — пишет автор, — противились бессовестному расхищению земель «земельными акулами». Однако, к несчастью, они сами были вовлечены в эти земельные спекуляции и скупили большие пространства» (стр. 143). Так, в 30-х годах XIX в. 24 англиканских миссионера в Новой Зеландии предъявляли «права» на 386 875 акров земельных угодий, отторгнутых у островитян, что не мешало им лицемерно кричать о расхищении маорийских земель английской колонизационной компанией. Такая же картина наблюдалась и на некоторых других архипелагах, в частности на Гавайях и Фиджи (стр. 143—145). Миссионеры успешно отстаивали свое верховенство на островах, соперничая с мелкими торговцами, беглыми матросами и прочими авантюристами. Но когда на тихоокеанских островах начали действовать представители крупного капитала, христианские «пастыри» отошли на второй план: власть перешла в руки новых хозяев (стр. 151—154).

Колонизаторская сущность миссионерского движения против воли автора раскрывается в описываемой им «войне миссий», т. е. в борьбе миссионеров разных вероисповеданий. Наиболее отвратительным проявлением «войны миссий» были религиозные войны, происходившие в Новой Зеландии, на островах Тонга, Увеа, Ротума, Лойялти; религиозный фактор сыграл немалую роль и в кровопролитных войнах на Самоа и Фиджи (стр. 120—124).

Много интересных фактов содержится в разделе «Миссионеры и аннексия». Коскинен вынужден здесь признать, что миссионеры всей своей деятельностью расчищали путь для последующих колониальных захватов (стр. 210—215). Автор не может умолчать и о том, что они порой были непосредственными организаторами этих захватов (стр. 164—175, 218—222 и др.). Но, стремясь хоть чем-то подкрепить свою идеалистическую концепцию, он пытается выделить особый период в истории английского миссионерского движения (1797—1835 гг.), когда его представители якобы выступали против аннексий и стремились укреплять самостоятельность созданных ими «теократий» (стр. 12, 237). Однако истина заключается в том, что британские миссионеры выступали в роли поборников «независимости» островитян только до тех пор, пока Англия, уповавшая на свое господство в Южных морях, не спешила с оформлением аннексии многочисленных тихоокеанских островов. Когда же в 30-х годах XIX в. французская агрессия в Океании впервые поставила под угрозу английские позиции в рассматриваемом районе, эти церковники, как признает сам автор, начали буквально бомбардировать Лондон посланиями с требованием немедленно включить «облагодетельствованные» ими острова в состав британских владений.

Подводя итоги, следует сказать, что положительной стороной книги Коскинена является обилие интересных фактов, помогающих разоблачению деятельности миссионеров в Океании. Однако мы далеко не всегда можем согласиться с автором, когда он от изложения фактов переходит к их теоретическому истолкованию и предлагает свою концепцию изображаемых событий.

Д. Тумаркин